

¹⁶ Ледяев В. Г. Эмпирические исследования власти в городских сообществах : проблемное поле // Политическая наука. 2003. № 3. С. 45–46.

¹⁷ См.: Emerson R. M. Exchange Theory. Part I and II // Sociological Theory in Progress. Boston, 1972. Vol. 2. P. 38–47.

¹⁸ См.: Шуберт К. Логика структуры, логика субъектов и логика инновации : концепции сетей и анализ сфер политики // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение / сост. Н. Коненген, К. Шуберт. М. : РОССПЭН, 2004. С. 202.

УДК 261.7

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА ПОЧВЕ ИСЛАМА В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Р. Г. Галихузина¹, М. М. Марданшин²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: garezeda@yandex.ru

² Учреждение среднего профессионального религиозного образования медресе «Фанис», Уруссу
E-mail: maratmardanshin@rambler.ru

На основе результатов вторичного исследования, анализа материалов периодической печати изучаются причины радикализации мусульман в Приволжском федеральном округе, определяется характер проявлений экстремизма на почве ислама. Формулируются механизмы, способствующие снижению экстремистских настроений и сохранению конфессионального диалога в округе.
Ключевые слова: власть, возрождения ислама, традиционный ислам, политизация ислама, религиозный экстремизм, профилактика.

Religious Extremism in the Soil of Islam in the Volga Federal District

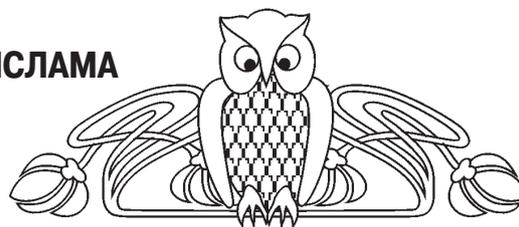
R. G. Galikhuzina, M. M. Mardanshin

Based on the results of the secondary research, analysis periodicals studied the causes of radicalization of Muslims in the Volga Federal district, is determined by the nature of extremism on the soil of Islam. Formulated mechanisms contributing to the reduction of extremist attitudes and preservation of religious dialogue in the district.

Key words: power, renaissance of Islam, traditional Islam, politicization of Islam, religious extremism, prevention.

Современная повестка дня, формируемая событиями, происходящими в различных точках конфликтного кипения в России и мире, актуализирует необходимость научного осмысления возрастания влияния исламского фактора на геополитические процессы. Ислам, регламентируя различные стороны социальных отношений, определяет не только характер взаимодействия внутри конфессионального сообщества, но и стремительно расширяет свое присутствие в общественно-политической сфере.

В многонациональной России в последние десятилетия выкристаллизовываются проблемы, связанные с отношением социума к исламу, стремлением части деструктивных элементов использовать его как средства радикальных преобразований, проявлением импортированных

форм ислама, религиозной нетерпимости. Данные аспекты привлекают внимание все большего количества исследователей¹.

Как отмечает известный исламовед Р. М. Мухаметшин, «в России последователи ислама проживают практически во всех субъектах Федерации и принадлежат к 40 этносам России. По экспертным оценкам, их количество колеблется в пределах 12–20 млн человек и может составлять от 8 до 12 процентов населения России»². Исторически мусульманская культура представлена на территории Северного Кавказа, Поволжья, Урала, Западной Сибири.

Изучение векторов развития такого количества российских мусульман, откат части из них к радикализму, увеличение количества проявлений экстремизма на почве ислама не теряет своей актуальности. В этой связи интерес представляет рассмотрение проблем, стоящих перед мусульманской умой ПФО, факторов, приводящих к проникновению в регион радикальных течений, и выработка механизмов противодействия религиозному экстремизму.

В изучаемом округе состоящим из шести республик – Башкирии, Татарстана, Чувашии, Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, Пермского края, семи областей – Кировской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской, «проживают около 40% мусульман России»³. В частности, количество мусульман в «Башкирии составляет 54,5%, в Татарстане – 54%, в Оренбургской области – 16,7%, в Ульяновской – 13%»⁴.

Рассмотрим спектр деструктивных течений, распространенных в округе. Среди организаций, признанных в России экстремистскими и террористическими, в Башкирии действуют «Имарат Кавказ», «Булгарский джамаат» (по данным ФСБ, часть «Аль-Каиды»), «Исламский джамаат», «Хизб ут-Тахрир»⁵. В Чувашской Республике в 2008 г. пятеро мусульман были привлечены к ответственности за причастность к «Хизб ут-Тахрир» по ч. 2 ст. 282–2 (участие в деятельности религиозного объединения, в отношении

которого судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности) и ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти и вражды, а равно унижение человеческого достоинства)⁶.

В Татарстане ведется борьба с такими объединениями как, «Хизб ут-Тахрир» и «Вакф», последователями шейха Умара (Айрата Шакирова, «Ахль ас-Сунна»), аполитичным движением «Таблиги Джамаат»⁷. В Нижегородской области к уголовной ответственности привлекаются члены «Хизб ут-Тахрир» и последователи турецкого богослова Сайда Нурси.

В Оренбургской области с 2007 г. судами последовательно запрещается большое количество сочинений, рекомендованных для чтения, – сборники хадисов, трудов средневековых богословов, которые включаются в Федеральный список экстремистских материалов.

В Пензенской области объектом внимания правоохранительных служб стало медресе, расположенное в татарском селе Средняя Елюзань. В феврале 2008 г. Городищенский городской суд признал экстремистской книгу И. Галаятдина «За добро – добро, а за зло – зло», которая была изъята из медресе. Происходили проверки по установлению причастности имама к деятельности «Таблиги Джамаат», которые выявили лишь факт обучения имама в Индии, Бангладеше и Пакистане. Региональные власти Самарской области ведут борьбу с последователями турецкого богослова Сайда Нурси, «Хизб ут-Тахрир» и другим.

В Ульяновской области в 2008 г. были осуждены восемь членов группы «Джамаат», которые обвинялись в совершении разбойных нападений, похищении людей и убийствах. По версии следствия, обвиняемые – жители Ульяновской области, Чувашской Республики, республик Татарстан и Дагестан – «в специально оборудованной под мечеть квартире проводили религиозные обряды, церемонии, проповеди и занятия, на которых публично возбуждали ненависть и вражду к иноверцам, а также неоднократно обращались к лидерам мусульманских общественных организаций Ульяновской области и прихожанам с предложением о распространении вероучения “ваххабизм”»⁸. В области по антиэкстремистским статьям преследуются последователи Сайда Нурси.

По оценкам крупнейшего отечественного исламоведа А. В. Малащенко, в разное время «проявления “ваххабизма” замечены в Татарстане (Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск, Кукмор), Башкирии (Агидель, Баймак, Октябрьское, Сибай, Уфа), Мордовии (Белозерье), Самарской (Тольятти), Оренбургской, Пензенской, Пермской, Ульяновской областях»⁹.

Данная статья посвящена выявлению причин распространения религиозного экстремизма на почве ислама в российском измерении на ма-

териалах Приволжского федерального округа и определению характера его проявлений.

Генезис указанных процессов в изучаемых российских регионах, по мнению авторов, имели, прежде всего, внутренние предпосылки, которые более четко обозначились на фоне мировых тенденций политизации ислама в странах исламского мира, достигнув тем самым пределов российских субъектов.

Как отмечает Л. В. Сагитова, «к началу XXI в. стало ясно, что “вернувшийся ислам” часто отличается от дореволюционных канонов. Появилось другое понятие – “исламская глобализация”, подразумевающее заполнение духовной ниши тюрок арабской версией ислама». В то же время она указывает, что проповедники с Востока и подготовка местного мусульманского духовенства в зарубежных образовательных центрах легли в основу «ревизии традиций предков»¹¹.

Таким образом, традиционность ислама, по мнению исследовательницы, стала спорным явлением. Обозначились два субъекта конфликтного взаимодействия: это «сторонники региональной исторической традиции, для которых истина была в канонах предков, и исламские неопиты, где арабская модель ислама считалась единственной истинной», считает исследовательница. Парадоксальность, по ее словам, «заключается в причудливом сплетении исторической инерции и новых глобализационных заимствований, которые не всегда идеологически сочетаются»¹².

Для понимания процессов, происходящих в мусульманском пространстве ПФО, в статье определяются проблемы, существующие в развитии ислама в округе, решение которых позволит снизить такие последствия возрождения исламских традиций, как исламофобия, радикализация среди молодых мусульман.

Ислам как система ценностей и социальный регулятор в России прошел сложный путь своего развития. В российских субъектах, где исторически ислам имел глубокие корни, в 1990-е гг. прошлого века наблюдался рост религиозного сознания мусульман, которые формировали свою исламскую идентичность, активно приобщаясь к культуре исламского мира, получали различное религиозное образование за рубежом. В это время, после долгих десятилетий забвения религии, наблюдался масштабный процесс строительства мусульманской уммы, возводились мечети, открывались исламские учебные заведения. Исламский фактор применительно к Татарстану, по мнению российского исламоведа Р. М. Мухаметшина «воспринимался как важнейший компонент национального самосознания и необходимый атрибут в борьбе за суверенитет Татарстана»¹³. Полагаем, что и для мусульман, проживающих в округе, в 1990-е гг. ислам становился неким механизмом осознания себя в новых постсоветских реалиях.

Активное возрождение ислама в округе приводило не только к росту духовности, укреплению нравственных устоев в обществе, возрождению утраченных традиций. Параллельно с этим происходило проникновение «чуждых поликонфессиональному обществу мировоззренческих установок, что, в свою очередь, выступает основой для возникновения религиозных и этнических конфликтов»¹⁴.

Кратко остановимся на том, что представляли собой данные не характерные для Приволжского федерального округа, исламистские идеи. Отличия радикальных течений от традиционного (официального) ислама, состоит в том, что «они находятся обособленно от других групп, не признают их как равных участников в исламском возрождении, также считая все остальные группы отошедшими от базисных основ Ислама в отношении вероубеждения»¹⁵.

Анализ публикаций периодической печати, экспертных докладов позволяет говорить, что в округе распространение получили так называемые протестно-политические течения «Хизб ут-Тахрир», «Ат-Такфир валь-Хиджра». Они относятся к суннитскому направлению ислама и призывают к построению альтернативной светской модели форме государства, отвечающей нормам шариата.

В соответствии с классификацией, предложенной киргизским исследователем К. К. Маликовым, салафитов, о наличии которых в ПФО сообщают нам правоохранительные органы, научное сообщество, СМИ, он относит их к «нерадикальному или умеренному “васытыя” салафизму (ваххабизму). Данное течение «направлено на критику традиционного ислама в большей части вероучения (аль-ақыда матуридия), отрицания обязательности придерживаться определенного мазхаба (юридической школы)»¹⁶.

Первоочередной проблемой, воздействующей на уровень конфликтности в религиозной сфере и в то же время обладающей потенциалом противодействия экстремизму, по мнению авторов, является проблема разработки контуров образовательной политики мусульманских учебных заведений в современной России.

Этот вопрос, на протяжении многих лет обсуждающийся в кругах мусульманского духовенства, до сих пор не получил своего разрешения. При этом в современной России именно система мусульманского образования определяет развитие мусульманской уммы, выстраивает будущее ислама как мировой религии в стране, способствуя формированию межконфессионального согласия.

Более чем двадцатилетний опыт построения системы исламского образования в округе накоплен в Татарстане. В этой связи обращение к нему позволит определить место мусульманского образования в процессах проникновения в ПФО чуждой идеологии так называемого «чистого ис-

лама». В значительной мере с учетом специфики общие тенденции развития ислама можно распространить и на другие регионы округа.

Р. М. Мухаметшин отмечает, что в 1990-е гг. «многие процессы, связанные с возрождением ислама в Татарстане, развивались независимо от деятельности Духовного управления мусульман. Существующие мусульманские учебные заведения, имеющие различный статус, в лице ДУМ РТ не нашли ни научно-методического и координационного, ни тем более достаточного материально обеспечивающего центра. Тем не менее, несмотря на отсутствие единого координационного центра, в 1990-е годы в Татарстане появились первые мусульманские учебные заведения»¹⁷. Они, по оценкам исламоведа, остались без поддержки и испытывали финансовые и материально-технические проблемы. Остро, по его мнению, стояла проблема кадрового обеспечения по богословским дисциплинам. В этих условиях, поясняет Р. М. Мухаметшин, они «приглашаются, точнее, присылаются различными международными мусульманскими организациями. Мусульманские учебные заведения Татарстана, не имея возможности обеспечивать себя педагогическими кадрами и контролировать их профессиональный уровень, вынуждены довольствоваться теми, которые приезжали за счет различных фондов. Наряду с низкой профессиональной подготовкой, среди педагогов довольно часто встречаются и представители других, не характерных для мусульман Поволжья мазхабов (араб. “путь”, юридическая школа шариатского права в исламе. – *Авт.*)»¹⁸.

Г. Галиулла, занимавший в 1995 г. пост муфтия в Татарстане (от араб. высказывающий мнение, дающий фетву; знаток шариата, глава мусульманского духовенства. – *Авт.*), отмечал: «...в скором будущем я не исключаю и более глубоких расколов в нашей среде, и не только по политическим соображениям. На сегодняшний день свыше 100 студентов только из Татарстана обучаются в духовных учреждениях Турции, Сирии, Иордании, Ливии, Марокко, Туниса, Саудовской Аравии, Арабских Эмиратов, Малайзии, Индонезии. Это страны мусульманского мира, среди них есть и такие, где исповедуется шиизм»¹⁹.

Мы можем предположить, что причиной, выталкивающей отдельных мусульман из мусульманского образовательного пространства региона, стала их оценка уровня и качества преподавания в российских медресе.

Потеря авторитета к местным, находящимся преимущественно в преклонном возрасте служителям культа – хазратам (уважительное обращение к человеку с высоким религиозным статусом. – *Авт.*) и имамам (духовный наставник, руководитель прихода. – *Авт.*) объясняется тем, что время их профессионального становления как религиозных деятелей пришлось на эпоху

атеизма. В этот период в России изучать основы своей религии было крайне опасно и запрещено. Несмотря на жесткие ограничения в религиозной сфере, эти люди все же тайно продолжали совершать обряды и обучать единоверцев основам ислама. В силу этих причин имамы не могли овладеть глубинными теоретическими знаниями в области богословия.

Иными словами, отдельные молодые мусульмане, испытывающие определенное недовольство уровнем квалификации местных имамов, не желали воспринимать знания, основанные на традициях предков, предпочли усваивать нормы религии, призывающие использовать насилие и оказывать вооруженное сопротивление властям.

Своеобразный «отток» мусульман за рубеж с целью получения религиозного образования авторы склонны связывать с тем, что создать целостную и многоступенчатую систему мусульманского образования к концу 1990-х гг. в Татарстане, равно как и во всем ПФО, за короткие сроки было невозможным. Более того, подготовка квалифицированных специалистов требовала длительного времени.

Мотивация отъезда мусульман в ближнее и дальнее зарубежье заключается также и в том, что данная категория мусульман зачастую утверждала, что местный, «народный», ислам за семьдесят лет своего забвения не отражал истинного смысла и воспроизводился только в погребально-ритуальных обрядах, не затрагивая глубинных основ вероучения. В данной ситуации получить истинные и фундаментальные знания, как считали они, возможно было только на родине Пророка – в Саудовской Аравии, где ислам сохранился в неизменном виде. Поясним, что ханбалистский мазхаб, распространенный в Саудовской Аравии и некоторых странах Персидского залива, в отличие от ханафитского мазхаба, обладает большей строгостью, консервативностью.

Оборотной стороной получения религиозного образования за рубежом российскими мусульманами стало их порою критическое восприятие традиционного уклада единоверцев среди соотечественников.

Через призму становления исламского образования в округе, таким образом, можно выявить субъекты поколенческого, внутриконтфессионального конфликта. Л. В. Сагитова указывает, что «привнесение исламских норм и практик, полученных в зарубежных исламских университетах, вызвало конфликтную ситуацию: “старые” имамы не соглашались с новой интерпретацией ислама; “молодые” – оспаривали “старую” версию российского ислама, по их мнению, искаженную советской действительностью. “Молодых”, получивших образование в признанных центрах ислама, можно в какой-то степени назвать неопитами. Пафос их “истинной” мусульманской идентификации основан не только на мнении о том, что в советское вре-

мя ислам был сильно искажен, а его служители были подконтрольны власти. Опыт многолетнего наблюдения “другой” жизни в мусульманских странах заставил их оценить не в лучшую сторону постсоветскую повседневность, где присутствуют алкоголизм, наркомания, проституция, коррупция и социальная незащищенность. Поскольку в негативе находится та часть жизни, что связана с моралью, нравственностью и духовными ценностями, то спасением видится следование нормам ислама. Но не того, привычного, традиционного для России ислама, который не дал пока ожидаемого эффекта, а “истинного” ислама с арабского Востока»²⁰.

Второй проблемой, приводящих к радикализации мусульман ПФО, являются разногласия внутри мусульманской уммы, которые используются в своих целях представители деструктивных течений.

Косвенным свидетельством разобщенности в среде мусульманского духовенства может служить наличие в регионе нескольких централизованных религиозных организаций, порой дублирующих функции друг друга.

А. В. Малашенко, определяя роль государства в этих процессах, отмечает, что власть «своей приоритетной задачей в отношении ислама сделала установление контроля над ним... и чтобы “дирижировать” мусульманством, власти было необходимо, во-первых, определить степень своей заинтересованности в его организационном единстве...»²¹

Как указывает в своей статье А. В. Сызранов, рассматривающий государственную политику России по отношению к мусульманским организациям Поволжья в 1991–2008 гг., «собственные Духовные управления мусульман (ДУМы) созданы в каждом из поволжских субъектов, причем в Башкортостане, Оренбургской и Ульяновской областях существуют сразу по три таких структуры, а в Татарстане, Мордовии, Чувашии, Пермском крае и Пензенской области – по две»²². Эта тенденция характерна и для других регионов. Для сравнения, на сегодняшний день в Уральском федеральном округе только в г. Екатеринбурге действуют 5 муфтиятов.

Противоречия проявляются и в высшей структуре управления мусульманскими организациями. В ноябре 2011 г. Центральное духовное управление мусульман Чувашской Республики вышло из состава Совета муфтиев России. В апреле 2012 г. Единое духовное управление мусульман Пензенской области откололась от Духовного управления мусульман европейской части России. Вплоть до 2010 г. приходы Самарской области были подконтрольны Центральному духовному управлению мусульман России под руководством Т. Таджутдина (г. Уфа), однако уже несколько лет в области существует местная мусульманская религиозная организация, подчиняющаяся татарстанскому муфтияту.

Лояльность мусульманского духовенства к власти также является объектом критики радикально настроенной молодежи и отворачивает их от представителей традиционного ислама. Наиболее характерно ситуацию с подконтрольностью мусульманского духовенства государству выразил А. В. Малашенко: «Так, в Татарстане и Башкирии светская власть, опираясь на административный ресурс, свободно манипулирует исламом и контролирует религиозную ситуацию»²³. А. В. Сызранов указывает, что, в частности, «ДУМ республики (Татарстан. – *Авт.*) оказался встроенным в систему власти. Строгий надзор администрации над исламом объясняется высокой степенью влияния религии на общество, а также тем, что межконфессиональное согласие является одним из главных козырей республиканских политиков в его непростых отношениях с Кремлем»²⁴. Необходимо указать, что контроль над исламом вызван стремлением не допустить проявлений религиозного экстремизма и противодействовать ему.

По оценкам Л. В. Сагитовой, «ислам стал важнейшим ресурсом в поиске экономических и политических союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики»²⁵.

В централизованных религиозных организациях отмечаются внутриорганизационные конфликты как горизонтального, так и вертикального типа. Примером тому может служить ситуация, с которой столкнулись в 1998 г. самарские мусульмане. Тогда «группа мусульманских активистов во главе с лидером местного отделения Всемирного конгресса татар Р. Ягудиным созвала чрезвычайный съезд, попытавшийся сместить муфтия В. Яруллина и выбрать новым председателем РДУМ СО имама хатыба самарской Соборной мечети А. Канюкаева»²⁶.

На низовом уровне разногласия проявлялись в установлении влияния представителей «чистого ислама» над мечетями. В частности, в 2011 г. «ваххабиты захватили мечеть в Альметьевске (Татарстан), чуть раньше Красноуфимске (Свердловская область), Бугуруслане и Абдулино (Оренбургская область)»²⁷.

Внутриполитические процессы в России, связанные с первой чеченской кампанией 1996 г., представляли третью проблему, влияющую на степень радикализации молодежи. Через данный канал молодые мусульмане приобретали не только искаженные знания об исламе, они получали опыт вооруженного сопротивления властям и переносили его, вернувшись, в свой регион, организуя и участвуя в подрывной деятельности. Чеченские события напрямую повлияли на выбор стратегий поведения части молодых мусульман ПФО, определив их политические взгляды, которые были отнюдь не мирными и стоящими вдалеке от гуманистического характера ислама, под

флагами которого они выступали. «Эти события в республике нашли своеобразное отражение: в вину некоторым медресе Республики Татарстана (“Юлдуз” в г. Набережные Челны и Исламскому институту им. Р. Фахретдинова в г. Альметьевск) ставили участие их бывших шакирдов в отрядах чеченских боевиков»²⁸.

Боевые действия, происходившие в то время на Северном Кавказе, отразились на работе медресе Татарстана. Деятельность мусульманских фондов, которые финансировали мусульманские учебные заведения, как отмечал муфтий Татарстана Г. Исхаков, «оказалась под жестким контролем федеральных властей, и они, по сути дела, свернули свою благотворительную деятельность. До сих пор в основном их финансировали международные арабские благотворительные организации, которые всегда выдвигали свои условия для приглашения иностранных преподавателей, выплаты зарплаты административно-преподавательскому составу, соблюдения учебных планов и использования литературы. Таким образом, игнорировался многовековой опыт нашего традиционного мусульманского вероисповедания и наследие великих татарских просветителей и ученых...»²⁹ Г. Исхаков призывал государство к участию в частичном финансировании религиозных учебных заведений, выражая опасение, что «проблема, не решенная на уровне религиозного общества, рано или поздно распространится по всему обществу, проникнет в самые разные области жизни»³⁰.

Идеи о необходимости участия в военных действиях распространялись вербовщиками в одной из мечетей Набережных Челнов, крупнейшем промышленном городе региона, «которые рассказывали прихожанам, что в Чечне существует учебный центр “Кавказ”, созданный в 1997 г. Хаттабом и Ш. Басаевым в Шалинском районе Чеченской Республики для обучения теории и практике диверсионно-террористической деятельности, где арабы учат мусульман “правильному исламу”»³¹.

Примером невключенности мусульман в мусульманское образовательное пространство Татарстана является судьба Рамазана Ишкильдина, в 1999 г. организовавшего подрыв магистрального газопровода в Кукморском муниципальном районе Татарстана. Он не пожелал получить образование в татарстанских медресе и уехал учиться «на имама» в Веденский район Чечни, где действовал печально известный учебный центр террористов «Кавказ», в котором вербовщики проводили религиозное обучение и диверсионно-тактическую подготовку. Таким образом, в условиях зарождающейся системы мусульманского образования в Татарстане, которая сталкивалась с организационными проблемами, отдельные лица предпочли получить знания об исламе не у местных проповедников, а усваивали нормы ислама, не свойственные татарстанскому мента-

литету, вставая на преступный путь, пополняя ряды религиозных экстремистов.

Радикализация некоторой части мусульман происходит и в российских тюрьмах. Глава управления ФСИН В. Трофимов указывает, что проповедники радикального ислама, оказавшись в местах лишения свободы, «представляют угрозу не только потому, что способны эффективно распространять свою идеологию на осужденных мусульман, но и активно вовлекать в свои ряды заключенных других вероисповеданий»³².

Так, житель Ульяновска чувашин В. Ильмендеев, новообращенный в «чистый ислам», создал в 2002 г. джамаат. Под лозунгами ислама ячейка «творила преступления против “неверных”, к которым относились и мусульмане-традиционалисты. Костяк джамаата занимался рэкетом и грабежами, особенно доставалось дальнобойщикам, проезжающим через Ульяновскую область, а остальные члены объединения делали регулярные взносы в общак»³³. Отбывая наказание в исправительном учреждении, он занимался вербовкой ваххабитов, поддерживал отношения с представителями «Имарат Кавказ», вследствие чего на него завели новое дело о создании террористической ячейки в тюрьме.

Четвертую серьезную проблему в системе радикализации молодежи ПФО представляют миграционные потоки из Средней Азии. Часть мигрантов, прибывающих в округ, имеют боевой опыт, полученный в ходе участия в различных горячих точках постсоветского пространства, предварительно попав под идеологическое влияние зарубежных миссионеров.

В целом проявления экстремизма на почве ислама в ПФО можно классифицировать следующими противоправными деяниями:

- агитация необходимости непримиримой войны с «кяфирами» (неверующий) после массовых молитв в мечетях;

- серия терактов на промышленных объектах (линии электропередач, газораспределительных станций) ПФО. Так, в 2005 г. «в Самарской области экстремисты взорвали опору высоковольтной линии, произошел подрыв магистрального газопровода в Ульяновской области»³⁴;

- распространение экстремистской литературы и проведение публичных акций.

Так, в 2012 г. в Татарстане был организован автопробег с символикой радикальной организации. В частности, участников акции обвиняют по пункту «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное организованной группой»), предъявлено обвинение в участии в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ). Участники партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» «занимались изучением и распространением экстремистской литературы, вовлечением в организацию новых лиц, распространением среди населения экстремистских настроений»³⁵.

В мае 2009 г. в Ромодановском районе Мордовии в мусульманских общинах села Белозерье были обнаружены книги, «внесенные в Федеральный список экстремистских материалов (“Ислам сегодня”, “Необходимость соблюдения «Сунны Посланника Аллаха»”, “Объяснение основ веры”»)³⁶. Муфтию Мордовии были внесены предостережения о недопустимости нарушений закона о противодействии экстремизму:

- изучение запрещенных трудов турецкого богослова Сайда Нурси и организация деятельности запрещенной организации «Нурджулар». Уголовные дела по ч. 1 и 2 ст. 282 УК в 2013 г. были возбуждены против двоих жителей и одной жительницы Набережных Челнов. Ленинский районный суд Оренбурга в марте 2012 г. также запретил исламскую литературу по ассоциации «Нурджулар» (68 материала). За наличие запрещенных книг Нурси в библиотеках исправительных колоний Ульяновска и ульяновской тюрьмы к дисциплинарной ответственности были привлечены сотрудники ФСИН;

- создание «джамаатов» в округе. К примеру, в Татарстане был ликвидирован «Чистопольский джамаат». 24-м задержанным лицам предъявили обвинение по статье «Организация террористического сообщества». Именно эти люди, по мнению следствия, стоят за попыткой обстрела самодельными ракетами «Нижекамскнефтехима» и поджогами православных храмов, совершенными в конце 2013 г. в Татарстане;

- организация, участие и привлечение новых адептов в религиозно-политическую партию «Хизб ут-Тахрир». Как правило, дела возбуждают по ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации»). «Причастность к деятельности “Хизб ут-Тахрир” нередко доказывается с помощью обысков и обнаружения в домах подозреваемых и мечетях исламской литературы, внесенной в Федеральный список экстремистских материалов». В Уфе 2013 г. против четверых местных жителей, сторонников «Хизб ут-Тахрир», были выдвинуты обвинения по ст. 30 и 278 УК («Приготовление к насильственному захвату власти»), ранее также обвинявшихся по ч. 1 ст. 282 УК («Организация и участие в запрещенной за экстремизм организации»)»³⁷;

- координация «Хизб ут-Тахрир» с местными «джамаатами». В Казани и Набережных Челнах возбудили уголовные дела в отношении участников данной запрещенной религиозной организации и установлена их связь, в том числе с так называемым «Чистопольским джамаатом»³⁸;

- стремление заручиться поддержкой со стороны органов государственной власти. Как отмечает министр внутренних дел РФ по Татарстану А. Хохорин: «Все более настойчиво салафиты для достижения своих целей стремятся проникнуть в органы государственной власти, заручиться их поддержкой»³⁹;

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Основной круг проблем, требующих решения для мусульманского сообщества округа, определяется укреплением позиций традиционного ислама. Базисом, цементирующим мусульманскую общность Приволжского округа, является система просвещения, которая переживает период своего становления. Эффективное функционирование системы мусульманского образования, отвечающего запросам будущих представителей духовенства, способно создать мощный культурный пласт, в котором будет культивироваться местная богословская школа, ограждающая от проникновения в ПФО радикальных идей.

Полноценное интегрирование молодых имамов в систему постиндустриальных отношений представляется важной задачей для современного российского общества. В настоящий момент вопрос их социальной поддержки и гарантий зачастую остается за пределами внимания, в связи с чем закономерен отток ценных кадров из этой области. Повышение авторитета мусульманского духовенства России при опоре на многовековой опыт в системе религиозного образования позволит перехватить инициативу в формировании мировоззренческих установок и сознания мусульманской молодежи в рамках традиционных мусульманских ценностей, исторически сложившихся в округе.

Опасность для стабильности религиозной сферы представляют усиливающиеся деструктивные течения, появление которых было вызвано как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Среди внутренних факторов, способствующих радикализации, выделим проблему возрождения мусульманской образовательной традиции, которая была прервана в советский период. Это привело к тому, что в 1990-е гг. в условиях отсутствия должного финансирования руководство местных медрес строило образовательную политику, опираясь не на местную для региона исламскую идеологию, а на арабскую, оправдывая тем самым зарубежную материальную помощь. В то время молодые мусульмане, не довольствуясь качеством образования, получаемого в медресе, искали альтернативные источники знаний и находили их в лице псевдопроповедников. Оторванные от местной исламской культуры, проповедуя импортированные ортодоксальные исламистские идеи, ряд мусульман по возвращении все же сумели адаптироваться и заняли умеренные позиции, другие же стали на путь экстремистской деятельности.

Несмотря на длительный процесс строительства мусульманского сообщества, мусульмане ПФО в последние годы сталкиваются с внутриконтрессиональными противоречиями, которые институционализируются в организационные, финансовые, идеологические конфликты.

Данные споры, помимо разрушения целостности мусульманской уммы, приводят к ослаблению авторитета и доверия к мусульманской управленческой вертикали.

Внешние причины радикализации мусульман округа были связаны с событиями на Северном Кавказе и процессами глобализации. Они активизировали проникновение в ПФО радикальных форм ислама, за которыми последовали проявления религиозного экстремизма (создание ячеек «Хизб ут-Тахрир», рост приверженцев ваххабизма или салафия, подрывы линий электропередач, газопроводов, распространение экстремистской литературы и др.).

Интернет открыл значительные возможности для обмена информацией, и на этом фоне воспроизводство культурной и религиозной идентичности мусульманин ПФО, основываясь на исламских традициях и местной культуре, представляется весьма сложным. Количество сайтов экстремистской направленности, размещенных на зарубежных серверах, в условиях отсутствия возможности блокировки их деятельности представляет угрозу для национальной безопасности. Добиться их закрытия в странах, где существует максимально либеральное законодательство в отношении Интернета, сложно.

Следует активно вовлекать в образовательную среду молодых мусульман, в возрасте от 13 до 35–40 лет, с целью избежать неофициального обучения исламу и сгенерировать вокруг медресе мусульман, желающих приобщиться и развивать собственные богословские традиции, лишённые агрессивного понимания сути ислама. Все это позволит направить духовные искания молодых мусульман в конструктивное русло, т. е. приобщаться к богословскому наследию, что даст возможность избежать сползания к религиозному экстремизму.

Полагаем, что установление диалога между последователями традиционного ислама и альтернативных его форм, преодоление идеологических разногласий, оптимизация вертикали управления мусульманскими организациями, а также создание стабильной системы их самофинансирования позволит воспитать последующие поколения мусульман в духе толерантности и снизит риски ее радикализации.

Примечания

- ¹ См.: Вилков А. А. Толерантность межэтнических отношений как основа противодействия политическому экстремизму // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Т. I / под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхьяева, А. М. Мургазалиева, К. М. Ханбабаева. Махачкала : Лотос, 2008. С. 492–497.
- ² Мухаметшин Р. М. История ислама : учеб. пособие. Наб. Челны : Духовно-деловой центр «Ислам нурь», 2012. С. 101.

- ³ Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва ; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2013. С. 7.
- ⁴ Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества России. М. : ИИПК «Ихтиос», 2005. С. 149.
- ⁵ См.: Раздьяконов В. С., Сергазина К. Т. Общественно-религиозные отношения // Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. С. 15.
- ⁶ Там же. С. 23.
- ⁷ Там же. С. 17.
- ⁸ Там же. С. 35.
- ⁹ Малащенко А. Ислам для России / Моск. центр Карнеги. М. : РОССПЭН, 2007. С. 30.
- ¹⁰ Сагитова Л. В. Поволжский ислам в эпоху глобализации : традиция-реставрация или традиция-инновация? // Вестн. Ин-та социологии. 2010. № 1. С. 481.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Мухаметшин Р. М. Ислам в Татарстане. М. : Логос, 2006. С. 10.
- ¹⁴ Мухаметшин Р. М. История ислама. С. 6.
- ¹⁵ Маликов К. Теоретические и практические основы по взаимодействию с мусульманской общиной : Краткое пособие по исламу. Бишкек, 2013. С. 78.
- ¹⁶ Там же. С. 99.
- ¹⁷ Там же. С. 383.
- ¹⁸ Там же. С. 384.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Сагитова Л. В. Указ. соч. С. 484–485.
- ²¹ Малащенко А. Указ. соч. С. 96.
- ²² Сызранов А. В. Государственная политика России по отношению к мусульманским организациям Поволжья (1991–2008 гг.) // Политика и общество. С. 121. URL: [http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR%20\(33\)%202012/120-130.pdf](http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR%20(33)%202012/120-130.pdf) (дата обращения: 23.07.2014).
- ²³ Малащенко А. Указ. соч. С. 103.
- ²⁴ Сызранов А. В. Указ. соч.
- ²⁵ Сагитова Л. В. Указ. соч. С. 482.
- ²⁶ Сызранов А. В. Указ. соч.
- ²⁷ Емельяненко В. Халифат вся Руси // Русский репортер. 2013. № 43. С. 26.
- ²⁸ Мухаметшин Р. М. Возникновение и функционирование официальных мусульманских институтов в Татарстане // Ислам в Среднем Поволжье : история и современность. Очерки. Казань : Мастер Лайн, 2001. С. 385.
- ²⁹ Там же. С. 388.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Сафаров А. А. Закат казанского феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана. Казань : Татарское кн. изд-во, 2012. С. 218.
- ³² Откуда берутся исламские радикалы? URL: <http://www.islamnews.ru/news-142920.html> (дата обращения: 20.07.2014).
- ³³ Мельников С. Ислам строго режима // Огонек. 2013. № 33 (5289). С. 33.
- ³⁴ Сафаров А. А. Указ. соч. С. 249.
- ³⁵ В Казани будут судить организаторов автопробегов с флагами «Хизб ут-Тахрир». URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/14/07/2014/936382.shtml (дата обращения: 20.07.2014).
- ³⁶ Раздьяконов В. С., Сергазина К. Т. Указ. соч. С. 21.
- ³⁷ Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году : сб. ежегодных докл. Информ-аналит. центра «Сова» / под ред. А. М. Верховского. М. : Центр «Сова», 2014. С. 106.
- ³⁸ См.: А. Хохорин планирует привлечь к ответственности всех участников «Хизб-ут-Тахрир» в РТ. URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_freeneews/15/07/2014/936683.shtml (дата обращения: 20.07.2014).
- ³⁹ В МВД Татарстана считают Нижнекамский район одним из самых сложных в части распространения экстремизма. URL: <http://info.tatcenter.ru/article/117483/> (дата обращения: 20.06.2014).

УДК 32.019.51

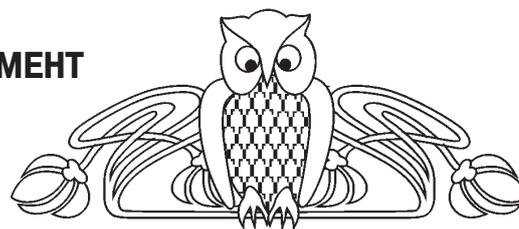
ФРЕЙМИНГ МЕДИА-ТЕКСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ: ОБЗОР РАСПРОСТРАНЕННЫХ ТРАКТОВОК

А. А. Казаков

Саратовский государственный университет
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассмотрены основные подходы к определению фрейминга, проанализированы виды и механизмы формирования фреймов. Автор обосновывает тезис о неправомерности отождествления фрейминга и установления повестки дня второго уровня.

Ключевые слова: фрейминг, фрейм, повестка дня, установление атрибутивной повестки дня, массмедиа.

Framing in Media Stories as a Tool of Influence on the Audience: Review of Widely Spread Interpretations

A. A. Kazakov

The main approaches to definitions of framing are examined; types and mechanisms of frames' formation are analyzed in this article. The author substantiates the idea that framing and the second-level agenda setting cannot be regarded as equal phenomena.